

Шкуркин Павел Васильевич

Легенды в истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Васильевич Ш.**
Легенды в истории / Шкуркин Павел Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 161 с.

ISBN 978-5-521-31294-8

ISBN 978-5-521-31294-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЕГЕНДЫ

ВЪ КИТАЙСКОЙ

ИСТОРИИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

*Европейцы, достигнувъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ современной намъ степени культуры, мыслятъ и говорятъ о ней, какъ о культурѣ **ВООБЩЕ**, т. е. міровой культурѣ, и никогда не говорятъ «европейская» культура, «европейская» цивилизація, какъ нѣчто, противопоставляемое какой-то иной культурѣ и цивилизаціи.*

Почему?

*Да просто потому, что огромное большинство «средняго» европейца, говорящаго объ этомъ, не только не знаетъ, но даже представить себѣ не можетъ существованія **ИНОЙ** культуры, **ИНОЙ** цивилизаціи, построенной на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ европейскія.*

Вотъ—причина, во первыхъ, небрежнаго отношенія европейцевъ (кромя отдѣльныхъ умовъ, типа Шлиманна) къ изученію культуръ не-европейскихъ народовъ (ибо, какая-же у нихъ можетъ быть культура?!) А во вторыхъ—причина тѣхъ промаховъ, которые дѣлаютъ всегда политическіе дѣятели въ восточныхъ вопросахъ и тѣхъ неудачъ, «проторей и убытковъ», которыя приходится терпѣть каждому рядовому европейцу, имѣвшему какія-либо дѣла съ инокультурными народами. Если же говорить о нематеріальныхъ цѣнностяхъ, то эти «протори» будутъ еще больше.

Однимъ изъ лучшихъ способовъ ознакомленія съ культурой народа является изученіе его исторіи.

Изучить исторію любой страны съ европейской культурой— не представляетъ ни малѣйшаго труда, потому, что нѣтъ, кажется, такой европейской страны, объ исторіи которой не было-бы написано сотни книгъ; совсѣмъ другое дѣло—не только изучить, а хотя-бы только познакомиться болѣе или менѣе обстоятельно съ исторіей страны съ неевропейской культурой...

Не будемъ говорить о многихъ обстоятельствахъ, затрудняющихъ это изученіе, о непониманіи нами идеаловъ и стремленій неевропейскихъ народовъ, о невозможности сдѣлать тѣ или иные выводы или вынести приговоръ по привычному намъ трафарету, потому, что объ этомъ ужъ и говорить нечего; скажемъ лишь о главномъ въ механизмѣ изученія исторіи: о языкѣ.

Португалецъ, испанецъ, французъ, итальянецъ, англичанинъ, нѣмецъ и т. д. часто не предполагаютъ, что ихъ языки—родные братья, только разныхъ возрастовъ,—если ихъ сравнить, напр., съ азіатскими. Послѣдніе и разнятся между собою несравненно болѣе и, что самое главное,—они гораздо труднѣе для изученія, чѣмъ европейскіе. Особенно труденъ—китайскій.

Экономическая жизнь всего міра, сконцентрированная когда-то вокругъ Средиземнаго моря, передвинулась затѣмъ на берега Атлантическаго океана; нынѣ она стремится перейти на побережье Тихаго океана.

Вотъ тутъ-то европейцамъ и пришлось столкнуться съ чуждой, непонятной имъ китайской мятисысчелътней культурой величайшаго по численности на всемъ земномъ шарѣ народа ..

Явилась потребность въ изученіи языка, нравовъ, обычаевъ, географіи, этнографіи, правовыхъ нормъ, экономическихъ условій, торгово - промышленной дѣятельности, а главное—ИСТОРИИ Китая.

Нѣтъ, вѣроятно, другихъ странъ, о которыхъ существуетъ такое множество историческихъ трудовъ, какъ о Китаѣ... Но тутъ-то мы и наталкиваемся на непреодолимое затрудненіе: никто изъ европейцевъ не владѣетъ китайскимъ языкомъ такъ, чтобы онъ могъ самъ, безъ помощи китайца, читать всѣ эти историческіе труды. Дальше: этихъ трудовъ такъ много, что и между китайцами нѣтъ такихъ ученыхъ, которые бы перечитали ихъ всѣ...

Слѣдовательно,—нужно дѣлать какой-то выборъ между ними.

Гдѣ-же гарантія того, что этотъ отборъ содѣланъ правильно? Одинъ китаецъ—учитель, руководствуясь своими взглядами и симпатіями, укажетъ одни труды, другой—другіе, третій—третьи. Проверить всѣ ихъ, сравнить или выбрать—почти невозможно, вследствие обилія матеріала...

И, въ результатъ, получается, что одни труды, быть можетъ, менѣе достойные, — читаются, комментируются и ложатся въ основу историческаго взгляда на тотъ или иной періодъ, а другіе, болѣе достойные, — остаются почти неизвѣстными для широкихъ слоевъ общества.

Европейскіе труды по исторіи Китая составлены именно на основаніи этихъ наиболее популярныхъ, въпрямь—«ходовыхъ» китайскихъ книгъ, являясь часто лишь простыми, сокращенными переводами китайскихъ источниковъ.

Поэтому они, иногда невольно, находятся подъ вліяніемъ взглядовъ китайскихъ историковъ, подчеркивая менѣе важное съ нашей точки зрѣнія, и оставляя въ тѣни то, что мы желали-бы выдѣлить возможно ярче.

Кромѣ того, громоздкость матеріала дѣлаетъ его часто прямо-таки непріемлемымъ для рядового читателя; такая исторія по-просту слишкомъ скучна, пространно трактуя о малопонятныхъ событіяхъ, созданныхъ кѣмъ-то, когда-то...

Къ этому нужно прибавить, что официальная китайская исторія писалась официальными исторіографами, специально получившими эту задачу; естественно, что они писали, такъ сказать, «казенную» исторію.

Но, кромѣ этой официальной исторіи, въ Китаѣ существуютъ историческіе труды, написанные кѣмъ-либо по собственному почину, не для представленія ихъ «властямъ поддерживающимъ». Естественно, что авторы этихъ послѣднихъ трудовъ гораздо свободнѣе оперировали съ историческимъ матеріаломъ; ручаться за точность приводимыхъ ими данныхъ — нельзя (впрочемъ, мы знаемъ, что и въ официальныхъ исторіяхъ помпѣщается иногда заведомая ложь). Но зато, въ этихъ исторіяхъ, называемыхъ «ъ-ши», т. е., «дикая исторія», — часто встрѣчаются преданія, легенды и т. п., что дѣлаетъ «дикую исторію» гораздо интереснѣе, а иногда—и назидательнѣе официальной.

Отнюдь не задаваясь цѣлью писать исторію Китая, я желалъ, по мѣрѣ силъ и возможности, познакомить русскихъ читателей, въ общихъ чертахъ, съ нѣкоторыми періодами исторіи Китая и его народа не только въ освѣщеніи официальной китайской исторіи, но и на основаніи данныхъ «дикой» исторіи, а также историческихъ разсказовъ и записокъ.

Кромѣ того, врядъ-ли исторія какого-либо другого народа породила такъ много легендъ и преданій, какъ исторія китайская.

Отдѣлить исторію отъ преданія или легенды иногда не такъ-то легко, а для цѣли, поставленной мною,—этого и не нужно: наоборотъ, легенда часто служила для меня элементомъ, связующимъ нѣсколько историческихъ эпохъ или моментовъ.

Тамъ, гдѣ историческія данныя не сходились съ легендой, я это разногласіе не только не затушевывалъ, но, наоборотъ, подчеркивалъ.

Предлагаемые очерки являются выдержками изъ болѣе обширнаго труда, носящаго то же заглавіе—«Легенды въ исторіи», который по разнымъ причинамъ не появился еще въ печати.

Очерки эти или историческіе рассказы, предназначены какъ для специалистовъ, — потому, что приводимыя въ нихъ историческія данныя считаются китайской исторіей безусловно вѣрными, — такъ и для широкой публики, которая, читая, можетъ обращать вниманіе главнымъ образомъ на легендарную сторону, оставляя чистую исторію въ сторонѣ.

Что касается расположенія матеріала, я рѣшилъ придерживаться въ общемъ хронологическаго, т. е., историческаго порядка: сначала — очерки, относящіеся къ старому времени, а потомъ, постепенно,—относящіеся къ времени болѣе новому. Конечно, если легенды связываютъ нѣсколько историческихъ эпохъ, то одинъ очеркъ можетъ охватывать весьма продолжительный періодъ времени.

Очерки эти, составленные въ краткій срокъ, съ вѣншей стороны иногда обработаны весьма примитивно; вообще, сторона беллетристическая принесена мною въ жертву сторонѣ исторической.

Насколько мнѣ извѣстно, подобная форма популяризаціи историческихъ свѣдѣній не встрѣчается ни въ нашей литературѣ, ни въ иностранной; такимъ образомъ, настоящая работа является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи исторіи Китая.

Если предлагаемые очерки приподнимутъ немного передъ глазами читателя пыльное покрывало надъ прошлымъ Китая или укажутъ на неизвѣстную ему, читателю, духовную связь европейца съ древнимъ китайцемъ, или обнаружатъ сомнительность прогресса европейскаго ума и нравственности, или возбудятъ сомнѣніе въ достаточности оснований для европейскаго

самолюбнїя, или заставятъ его провести параллель между современными эзотерическими ученїями и древней мистикой, или, наконецъ, просто заинтересуютъ его, какъ рассказы, — я сочту себя удовлетвореннымъ ..

Ибо я знаю, что прочитавшій эту небольшую книгу до конца,—несомнѣнно, пополнитъ свой багажъ знаній о Востоку, и кое-надъ чѣмъ задумается.

16 апрѣля 1922 г.

П. ШКУРКИНЪ.

ИСТОЧНИКИ:

Дунъ-чжоу лѣ-го-чжи (Записки о періодѣ раздѣленія государствъ во времена Восточной Чжоу'ской династіи).

Ши-цзи (Историческія записки) Сы-ма Цянь'я.

Хуй-ту ли дай шэнь сянъ-чжуанъ (Иллюстрированныя біографіи геніевъ и святыхъ разныхъ династій, начиная съ древности).

Цюанъ-ту сю сянъ сянъ-го синъ и (Точное изображеніе полной исторіи дѣятелей и всѣхъ событій эпохи Троецарствія).

Chinese Reader's Manuel, Mayers.

Synchronismes Chinois, M. Tchang.

Дао-дэ-цзинъ,—Лао-цзы.

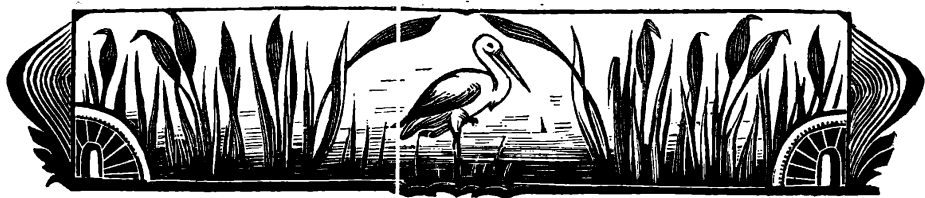
Китайско-русскій словарь, Еп. Иннокентія.

Справочникъ по исторіи Китая, П. Шкуркина.

Страница изъ исторіи Китая, П. Шкуркина.

Рассказы г. Янъ Шоу-чанъ и др. лицъ.

ЧОРТОВА ДОЛИНА*)

Государственный строй Китая въ періодъ Чжань-го. Философъ Чортовой долины. Вэй-янъ, Панъ Цюань и Сунъ Бинь. Гуй-гу-цзы. Скрытое жилище. Урокъ государственной мудрости. Федерализмъ и имперіализмъ. Смерть Вэй-яна. Чему училъ философъ. Два двѣтка. Судьба Панъ Цюаня и Сунъ Биня. Предательство товарища. Разоблаченіе. Го-цзянь и Фу-ча. Сумасшествіе Суня. Сунцзинь организуетъ союзъ федералистовъ. Переигранная игра. Перетасованныя карты. Тайнственный паланкинъ. 10.000 котловъ. Морь. «Змѣиный способъ». Ма-линь-дао. Одинокое дерево. Что сдѣлалъ фонарь. Смерть Пана. Разгадка. Заключение.

Давно это было... Китай переживалъ тяжелую пору. Уже давно монархи славной Чжоу'ской династіи, чтобы облегчить себѣ управленіе великой имперіей, дробили ее между потомками великихъ императоровъ прежнихъ династій и между своими преданными слугами.

Въ описываемое время, получившее въ послѣдствіи названіе періода Чжань-го, т. е. „враждующихъ государствъ“ (468—250 г. г. до Р. Х.), вся Поднебесная, вмѣсто единой великой имперіи, въ дѣйствительности была разодрана на двадцать четыре болѣе крупныхъ и на двѣ тысячи мелкихъ кусковъ—удѣлы. Наиболѣе значительными изъ нихъ были семь удѣловъ, судьбу которыхъ, конечно, раздѣляли всѣ тяготѣвшія къ нимъ мелкія княжества, хотя всѣ они считались самостоятельными.

Такимъ образомъ, Китай представлялъ собою феодальное и федеративное государство.

Но, такъ какъ императоръ являлся полновластнымъ повелителемъ только въ своемъ родномъ удѣлѣ,—Чжоу, а надъ остальными удѣлами власть его была лишь номинальной,—то каждое княжество, каждый удѣлъ, какъ бы малъ онъ ни былъ,

*) Источн.: Дунъ-чжи лѣ-го чжи; Ши-цзи Сы-ма Цяня; Chinese Readers, Manuel Mayers'a.

—велъ свою собственную мелкопомѣстную политику, которая, конечно, сводилась къ ослабленію сосѣда и усиленію собственной позиціи за счетъ другихъ.

О солидарности, о пользѣ общей, конечно, не могло быть и рѣчи... Интриги, коварная политика, ложь, политическія убійства, а то и прямое нападеніе сильнаго княжества на болѣе слабое,—сдѣлались обычнымъ явленіемъ...

Не было никакой авторитетной власти, которая могла бы гарантировать какъ государству, такъ и отдѣльному лицу жизнь, свободу, имущество или честь...

Во многихъ кружкахъ и обществахъ, явныхъ и тайныхъ (потому, что китаецъ испоконъ вѣковъ является участникомъ какого-либо союза), открыто обсуждался вопросъ, кому же слѣдуетъ взять власть изъ ослабѣвшихъ рукъ императоровъ Чжоуской династіи?

Въ зависимости отъ политической обстановки, взоры народа останавливались то на одномъ, то на другомъ удѣльномъ князѣ, видя спасеніе въ переходѣ власти въ крѣпкія руки...

Но среди интеллигенціи стало намѣчаться и постепенно все больше расти другое направленіе политической мысли, именно—образование общаго государственнаго организма изъ всѣхъ удѣловъ на основаніи принципа конфедерации, съ избраннымъ на извѣстный срокъ главою.

И то, и другое политическое теченіе имѣли много сторонниковъ, и такъ называемые „бродячіе чиновники“ ходили по странѣ изъ одного княжества въ другое, проповѣдуя и поддерживая, смотря по обстоятельствамъ, ту или другую систему.

Между этими бродячими чиновниками, въ большинствѣ случаевъ безпринципными и безъ всякихъ убѣжденій, попадались иногда люди весьма талантливые, которые имѣли большое вліяніе на ходъ политической жизни страны.

Въ это время, то есть, въ IV вѣкѣ до Р. Х., жилъ въ Китаѣ нѣкій Ванъ Сюй 王 綏, знаменитый отшельникъ. Онъ называлъ себя даосомъ, послѣдователемъ Лао-цзы и говорилъ, будто бы онъ получалъ откровенія отъ самого великаго, безсмертнаго наставника, являвшагося къ нему въ его затерянномъ въ горахъ жилищѣ. Но люди, вѣроятно, забыли, что ни одно лукавое слово, ни одна неправая мысль никогда не оскверняли рѣчи великаго Учителя, между тѣмъ, какъ Ванъ Сюй... Ну, это будетъ видно впереди!

Ванъ Сюй жилъ въ дикомъ, голомъ ущельи, загроможденномъ скалами, которыя были навалены въ такомъ дикомъ, ха-

отическомъ безпорядкѣ, что, казалось, ими играли демоны. Поэтому эта долина называлась Гуй-гу, т. е., „Чортовой долиной“, а самъ Ванъ Сюй получилъ прозвище Гуй-гу-цзы, т. е., „философъ Чортовой долины“.

Ванъ велъ жизнь аскета, изрѣдка выходя изъ своего ущелья и появляясь передъ людьми, иногда цѣлыми толпами приходившими въ горы послушать знаменитаго учителя, потому что слава о его учености гремѣла уже „между четырьмя морями“ (т. е. по всему Китаю).

Но Ванъ Сюй, поучая народъ, никому изъ толпы не позволялъ проникать къ своему жилищу... Только изрѣдка, наиболѣе жаждавшихъ его поученій молодыхъ людей онъ дѣлалъ своими близкими учениками и разрѣшалъ тогда имъ поселиться вмѣстѣ съ собой.

Между такими учениками извѣстны, между прочимъ, Чжанъ-и и Су-цинъ, сыгравшіе впослѣдствіи громадную роль въ политической жизни страны.

Въ княжествѣ Вэй 魏, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ губернія Чжи-ли граничитъ съ губерніей Хэ-нань, жилъ юноша, по фамиліи Панъ, а по имени Цзюанъ. Онъ былъ очень честолюбивъ и хотѣлъ во что бы то ни стало добиться знатности и богатства.

Такъ какъ единственный къ этому путь шелъ черезъ ученье, то онъ рѣшилъ поступить ученикомъ къ какому-либо изъ знаменитыхъ учителей.

Сначала онъ предполагалъ пойти къ Мэнъ-цзы, слава котораго уже наполнила все Чжоу-го („государство Чжоу“, т. е., Китай); но затѣмъ сообразилъ, что великій послѣдователь Кунъ-цзы (Конфуцій) врядъ-ли одобритъ его намѣреніе сдѣлаться „бродячимъ чиновникомъ“. И поэтому Панъ Цзюанъ раздумалъ идти къ этому «апостолу Павлу конфуціанства».

Вскорѣ случай столкнулъ его съ знаменитымъ Вэй-янъ'омъ, который былъ въ это время всемогущимъ канцлеромъ княжества Цинь, выковывавшимъ могущество этого удѣла и подготовлявшимъ его будущее главенство.

Вэй-янъ также былъ уроженцемъ удѣла Вэй и того-же городка, въ которомъ родился и Панъ Цзюанъ,—что открыло юношѣ доступъ къ всемогущему министру.

„Я вамъ дамъ совѣтъ“, сказалъ Вэй-янъ, выслушавъ Панъ Цзюаня и узнавъ его планы. „Для того, чтобы достигнуть тѣхъ высотъ, къ которымъ вы стремитесь, вамъ нужно много и долго учиться, и не у заурядныхъ учителей, а у истиннаго

мудреца, который зналъ бы и политику, и военное дѣло, и математику, и сердца людей...

Такой человѣкъ теперь есть только одинъ: это—Гуй-гу-цзы. Идите къ нему, постарайтесь попасть въ число его учениковъ и вы можете быть увѣреннымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ о васъ услышитъ сто семей“ (бо-синъ, т. е., весь народъ).

Обрадованный Панъ Цзюанъ рѣшилъ послѣдовать совѣту великаго государственнаго мужа и тотчасъ отправился домой, чтобы испросить разрѣшеніе отца на поѣздку къ Ванъ Сююю.

Дорогой молодой человѣкъ познакомился съ такимъ-же, какъ и онъ, юношей, немного моложе его, пѣжнымъ и слабымъ на видъ, но настойчивымъ и съ твердымъ характеромъ. Звали его Сунъ Бинъ. Родомъ онъ былъ изъ удѣла Ци 齊 (около нынѣшняго Цинъ-чжоу въ Шанъ-дунѣ).

Путь ихъ лежалъ въ одномъ направленіи; они долго ѣхали вмѣстѣ, подружились и вскорѣ у нихъ не было тайнъ другъ отъ друга. Оказалось, что Сунъ Бинъ мечтаетъ о томъ же, къ чему стремится и Панъ...

Тогда оба друга рѣшили вмѣстѣ отправиться къ Ванъ Сююю.

Условившись о мѣстѣ встрѣчи, друзья разстались, потому что и Сунъ Биню нужно было съѣздить домой.

Мѣсяца черезъ три Панъ и Сунъ, связанные уже тѣсной дружбой, подѣзжали къ мѣсту жительства знаменитаго философа и спрашивали у мѣстныхъ жителей, какъ его найти.

«А, вамъ нужно видѣть философа изъ Чортовой долины», отвѣчали имъ крестьяне,—«поѣзжайте по этой дорогѣ прямо въ горы: вы встрѣтите тамъ много людей, которые ѣдутъ къ философу, и вамъ всякій укажетъ дорогу!»

Дѣйствительно, найти входъ въ Чортову долину не представляло труда, и молодые люди скоро присоединились къ группѣ лицъ, ожидавшихъ у входа въ ущелье выхода учителя.

Прошло немного времени, и изъ глубины ущелья показался человѣкъ среднихъ лѣтъ, небрежно одѣтый, безъ шляпы, съ длинной, рѣдкой бородой. Что въ немъ поражало—это его необыкновенная худоба.

Это былъ Ванъ Сюй.

Толпа упала на колѣни и поклонилась въ землю.

«Что привело васъ сюда?» обратился Ванъ къ безмолвному народу.

Тогда раздались многочисленные голоса, перебивавшіе другъ друга, и поднялось много рукъ, въ которыхъ были кор-